

Т. В. Андреева

Возвращение: М. М. Сперанский в 1821–1824 гг. (по дневнику реформатора)

22 марта 1821 г. М. М. Сперанский вернулся из Сибири в Петербург и с 24 марта того же года вел дневник, отличающийся, с одной стороны, краткостью и деловитостью, а с другой — глубиной, концептуальностью и широкой информативностью. Дневник отражает одну из важнейших проблем историографии, посвященной жизни и государственной деятельности реформатора, — проблему возвращения его на правительственный Олимп. Начиная с труда М. А. Корфа, историографическая традиция утверждает, что Сперанский не занял того места у трона Александра I, которое было до 17 марта 1812 г.¹ Однако дневник Сперанского, а также другие источники личного происхождения и официальные материалы дают иную картину сложного и неоднозначного процесса его первоначального активного включения в государственную, придворную и светскую жизнь в 1821–1822 гг. и постепенной в течение 1823–1824 гг. потери близости к императору, а значит, к решению важнейших внутри- и внешнеполитических вопросов.

Новая эпоха в жизни Сперанского началась уже 22 марта 1819 г., когда Александр I подписал указ о его назначении сибирским генерал-губернатором. Для самого реформатора это не стало большой неожиданностью. Слух о намерении императора поручить ему управление особым округом из нескольких губерний Европейской России циркулировал в правительственных кругах и дошел до Пензы, где он губернаторствовал². Непредвиденной только оказалась отправка в Сибирь. Сперанский получил официальное извещение о своем новом назначении 31 марта 1819 г., когда с фельдъегерем ему были доставлены копия

императорского указа, рескрипт и собственноручное письмо Александра I от 22 марта 1819 г., а также личное письмо графа А. А. Аракчеева от 24 марта 1819 г. Позже в письме графу он благодарил, что именно от него получил «первую весть, первый знак моего оживления»³. Со стороны Александра Павловича это решение отражало не только стремление императора вновь приблизить Сперанского к престолу, ввести в сферу большой политики, но и использовать его мощный интеллектуальный потенциал и административный опыт в регионе, являвшемся одним из наиболее сложных и запущенных в системе местного имперского управления⁴. Привлечение видного государственного деятеля и самого известного разработчика реформ к исправлению положения дел в Сибири оказалось для края важной исторической вехой и поделило его историю первой половины XIX в. на два периода: «до Сперанского» (1801–1819) и «от Сперанского» (1822–1851), т. е. от реализации его сибирской реформы до ее корректировки в конце царствования Николая I⁵.

Однако сам Сперанский, воспринявший дальнейшее генерал-губернаторство как «сибирскую ссылку»⁶, считал свое пребывание в Сибири «временным поручением»⁷, называл «путешествием», о котором оставил дневниковые записи, разделив их на две части: «Путешествие в Сибирь с 31-го марта 1819 по 8 февраля 1821 года» и «Возврат с 8-го февраля по 22 марта 1821 года»⁸. Это не означало, что реформатор не осознавал огромного политического значения возложенной на него миссии. Ведь на нового сибирского генерал-губернатора возлагались три взаимосвязанных поручения — ревизия Сибирского края, административное управление, составление проекта о новом устройстве и управлении Сибири. В письме от 22 апреля 1819 г. дочери Елизавете Михайловне в Петербург еще из Пензы Сперанский писал: «Может быть, и в самом деле я могу быть полезен для устройства и благополучия Сибири. Сия мысль делает все жертвы сносными, умягчает самую разлуку с тобой»⁹.

Сперанский выехал из Пензы 6 мая 1819 г., 24 мая прибыл в Тобольск, где 27 мая приступил к исполнению своих должностных полномочий. Прежде всего, новый наместник стал выполнять первое поручение Александра I и предпринял ревизионную поездку по краю, начавшуюся 26 июня. Генерал-губернатор кроме губернских городов (Томска и Иркутска) посетил многие уездные — Омск, Ачинск, Енисейск, Красноярск, Читту, Барнаул, Нерчинск, Кяхту и др. Чем дальше и дольше он «погружался» в Сибирь, тем более вопиющими и масштабными представлялись перед ним беззаконие и коррупция. «Чем далее спускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нестерпимого. Слухи ничего не увеличивали и дела хуже слухов», — писал он 24 июля 1819 г. своему ближайшему другу, обер-прокурору Сената А. А. Столыпину¹⁰. 30 января 1819 г. Сперанский закончил ревизию и представил Александру I донесение о злоупотреблениях, обнаруженных в Тобольской, Томской и Иркутской губерниях и относящихся к заготовке хлеба, распределению земских и волостных повинностей, сбору податей, управлению торговлей и промыш-

ленностью. Генерал-губернатор подчеркивал, что число лиц, прикосновенных «в разных степенях», составляет 216 человек, а сумма государственных потерь свыше 2 млн р.¹¹, и предлагал конкретные меры по искоренению коррупции¹². В рескрипте на имя Сперанского от 20 марта 1820 г. Александр I писал: «Михайло Михайлович! С удовольствием читал я в донесении... обо всех распоряжениях, делаемых вами для пресечения открытых злоупотреблений и неустройств в Сибирском крае... По окончании возложенного мною на вас поручения ожидаю я возвращения вашего сюда»¹³.

Однако ревизия Сперанского отличалась от многочисленных предыдущих сенаторских ревизий. Хотя имелись вполне традиционные задачи выявления злоупотреблений и демонстрации населению, что имперская власть не допустит беззакония и безнаказанности коррупционной местной администрации, главной ее целью был сбор материалов. В центре сибирского вопроса оказались не репрессивные меры увольнения и предания суду чиновников¹⁴, а формирование программы преобразований, которая должна была соединять специфические региональные условия и основные начала абсолютистской государственной системы.

С этим связано и понимание Сперанским своих наместнических полномочий, которые он рассматривал в большей степени как надзор, а не управление, видел себя более ревизором, чем генерал-губернатором¹⁵, а своей главной функцией считал анализ местных условий и разработку сибирской реформы: «Сибирью никто и никогда управлять не мог, поскольку для ее управления нужны новое устройство и новые люди, т. е. новое общее для сего края образование, без чего благополучие его есть почти невозможно»¹⁶. Прежде всего кардинального преобразования требовала сама модель генерал-губернаторства в Сибири. Сложилась парадоксальная ситуация, обусловленная местной спецификой. С одной стороны, компромиссная реформа 1803 г., направленная на усиление вертикали власти путем утверждения прямой связи императора и наместника Сибири, но не подкрепленная фундаментальными законами и надзором правительства, превратила генерал-губернатора в самовластного правителя. «Как могу я управлять без моральной власти? Скажут, законами — как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполняться без исполнителей», — писал Сперанский графу В. П. Кочубею 20 мая 1820 г.¹⁷ С другой — отсутствие полноты власти генерал-губернатора, законного права издавать от своего имени обязательные постановления, а также увольнять и предавать суду коррумпированных гражданских губернаторов, вице-губернаторов, начальников казенных палат без санкции центра лишало его административной самостоятельности и возможности оперативного решения дел. Это делало Сибирь уникальным регионом, требовавшим особого подхода, прежде всего адаптации «нового образа управления местному положению», сочетанию централизаторских основ имперской государственной системы с элементами

децентрализации, необходимой для оптимального функционирования высшей местной администрации¹⁸.

Все это нашло отражение в проективных материалах Сперанского. Еще в 1819 г. в Пензе вместе с императорским рескриптом он получил Положение Комитета по делам Сибирского края, созданного 10 октября 1813 г., которое вкуче с материалами ревизии легло в основу его двух предварительных конспектов, созданных в конце 1820 г. и посвященных намечаемым преобразованиям управления Сибирью. Затем Сперанский составил небольшую записку «О начале сибирских учреждений»¹⁹, а также большой обобщающий всеподданнейший отчет от 1 февраля 1821 г. с обзором существующей системы сибирского управления и программой предполагаемых мер по ее усовершенствованию²⁰. Именно данный отчет он был намерен вручить Александру I по своему приезду в Петербург, имея в виду проведение в столице основных правительственных работ по составлению фундаментального законодательного акта, т. е. нового «Учреждения Сибири».

Возвращение в Петербург, «а через Петербург ко Двору и в прежнюю милость»²¹, было главной мыслью Сперанского весь период вынужденной провинциальной административной деятельности. Это давало силы и делало все служебные перемещения «камушками» в длинной дороге к заветной цели. Что же касается сибирского генерал-губернаторства, то можно предположить, что Сперанский рассматривал его как своеобразный тайный договор между ним и императором, выполнение которого сулило ему долгожданную свободу от провинции и возвращение в столицу. «За тайну тебе скажу, что я не более как на год и много если на год с половиною должен отправиться в Сибирь, чтоб исполнить там действительно важные поручения и с ними возвратиться в Петербург, — писал он дочери 5 апреля 1819 г. — Род сих поручений таков, что без личного их представления в Петербурге и исполнить их никак невозможно. Следовательно, есть надежда, что я к той же цели приду, хотя путем довольно длинным и вместо 1500 верст должен буду сделать 12 000. Надежда сия, однако же, есть тайна, которую тебе одной я вверяю; для всех прочих я просто генерал-губернатор, посланный в Сибирь на неопределенное время»²². В воспоминаниях Е. М. Фроловой-Багреевой, написанных в 1848 г. по просьбе М. А. Корфа, собиравшего материалы для своего сочинения о Сперанском, есть упоминание о тайном посещении Александром I своего сподвижника в имении Великополье Нижегородской губернии. Достоверность данного указания обусловлена тем, что Елизавета Михайловна сопровождала отца («рара», как она писала) в его нижегородской ссылке²³.

Уверенность Сперанского в его скором возвращении в Петербург была основана на упоминавшихся рескрипте и собственноручном письме к нему Александра I от 22 марта 1819 г. Семь лет император не отвечал на его послания и рапорты, прибегая к посредническим услугам А. А. Аракчеева и А. Н. Голицына. Это было первое личное обращение монарха к своему сподвижнику. В рескрип-

те Александр I подчеркивал, что не переставал искать «способ, могущий изгладить из общих понятий прискорбные происшествия 1812 года» и нашел его в службе Сперанского, которая даст возможность «доказать ясно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали вас». Между тем, этот «способ» был подсказан императору самим реформатором. В письме А. А. Аракчееву из Великополья от 5 июня 1816 г. Сперанский, определяя свое пребывание в Нижнем Новгороде и Перми как «двукратную ссылку», произведенную «крутым и бесполезно жестким образом», подчеркивал, что находится в таком положении уже четыре года, пройдет еще год, два, и у него уже не будет способов оправдаться: «Таким образом, я сойду в гроб в виде государственного преступника, оставлю дочери моей в единственное наследство бесчестное и всех проклятий достойное имя. Заслужил ли я сии ужасы?» В надежде на «правосудие и милосердие» Александра I Сперанский считал, что у императора есть два средства решить проблемы — дать суд с его обвинителями или «доставить» ему «способ оправдать себя против слов, не словами, а делами, отворив мне двери службы»²⁴.

И Александр I избрал второй путь — службу. По мнению монарха, иначе возвращение Сперанского в Петербург походило бы «единственно на последствие дворцовых изменений» и не изменило бы негативного общественного мнения. Началом реализации императорского плана стало его пензенское губернаторство. Однако, как подчеркивал Александр I Сперанскому в рескрипте 22 марта 1819 г., главной целью является «открыть служению вашему обширнейшее поприще», которое даст «явную причину приблизить вас к себе». Этим «поприщем» определялось генерал-губернаторство в Сибири. Результатом выполнения сибирских поручений должен был стать приезд Сперанского с бумагами в Петербург. Император рассчитывал, что «препоручение сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края» продлится год-полтора или два. Этого времени должно было хватить, чтобы вникнуть во все подробности административных проблем, подготовить «начертание» сибирской реформы и «лично привезти оное ко мне в Петербург». По приезду Сперанского в столицу, как обещал монарх, будет назначен его преемник, а сам он получит новое назначение, «более сходное тому приближению, в коем я привык с вами находиться». В личном письме Александр I также утверждал, что после выполнения генерал-губернаторских полномочий Сперанский вернется в Петербург «с явною заслугою» перед отечеством, что «даст действительную возможность основать ваше пребывание навсегда при мне в Петербурге»²⁵.

Надо думать, на план Александра I возратить в большую политику Сперанского повлияла позиция его ближайшего окружения, прежде всего графа А. А. Аракчеева, который был не только посредником между императором и реформатором, но и ходатаем за него. В личном письме Сперанскому от 24 марта 1819 г., подчеркивая свою готовность «предстательствовать» в его пользу, граф писал: «Я любил вас душевно тогда, когда вы были велики, как бы вы не смотрели на нашего брата, любил вас и тогда, когда по неисповедимым судьбам

Всевышнего страдали; протестовал против оногo... радовался о конце сего для вас неприятного дела и буду не только радоваться, но и желать вашему возвышению на степень высшую прежней»²⁶. Можно было бы усомниться в его искренности, но это противоречит тому факту, что весь период ссылки между Сперанским и Аракчеевым существовала не только официальная, но и личная переписка, свидетельствующая об их близких и откровенных отношениях. Поэтому неудивительно, что именно графу Сперанским была поручена в 1818–1819 гг. продажа имения Великополье в Новгородской губернии (из-за долгов в 200 тыс. р.), которое приобрела казна за 140 тыс. р. Причем сам реформатор принял это как «милость», оказанную императором «по ходатайству» Аракчеева²⁷. О роли Аракчеева в процессе возвращения Сперанского в Петербург, его переговорах с Александром I есть свидетельство в воспоминаниях Е. М. Фроловой-Багреевой²⁸.

Кроме этого, графы К. В. Нессельроде и В. П. Кочубей, а также Д. А. Гурьев все годы опалы поддерживали со Сперанским тесные контакты, а некоторые посещали его в провинциальном уединении. Так, в письме А. А. Столыпину из Пензы от 7 мая 1818 г. Сперанский писал: «Ожидаю с часу на час графа Нессельрода и надеюсь в сладость с ним побеседовать»²⁹. Разделяя огорчения коллеги по поводу сибирского губернаторства и считая совершенно необходимым его возвращение в Петербург для «занятия важнейшими делами при самом центре общего правления, а не отдельной какой-либо части», они также видели в его генерал-губернаторстве только недолговременное поручение, основанное на «видах государственного человека» и имеющее целью, с одной стороны, ознакомиться «со всеми частями государства» для предполагаемых преобразований всей системы управления империей, а с другой — «обозреть важнейшие пункты Сибири» для подготовки сибирской реформы³⁰.

Повеление Сперанскому возвратиться в Петербург было послано Александром I через В. П. Кочубея 8 февраля 1821 г. из Лайбаха с конгресса Священного союза, который проходил 11 января — 2 мая 1821 г. Поскольку еще в императорском рескрипте от 20 марта 1820 г. указывалось на необходимость прибытия в Петербург «к последним числам марта будущего (т. е. 1821) года», то Сперанский построил свой маршрут возвращения в четыре этапа, начав его 8 февраля, чтобы прибыть в столицу в конце марта: 1) от Иркутска до Томска, 2) от Томска до Тюмени, 3) от Тюмени до Казани, 4) от Казани до Москвы. Весь обратный, как и сибирский путь, Сперанский знакомился с жизнью провинциальной России, посещал административные учреждения, промышленные и торговые предприятия, университеты, гимназии, больницы, приюты. В Пензе его встречала дворянская депутация, и он провел несколько дней в доме, где губернаторствовал. Прибыв в Москву рано утром 16 марта, он остановился в доме пензенского предводителя дворянства Г. Д. Столыпина, где принимал многочисленных посетителей. 17 марта, выехав из древней столицы через Новгород, 22 марта 1821 г. к обеду Сперанский прибыл в Царское Село, где его встречала

дочь, и вечером того же дня они оказались в столице. 24 марта через А. А. Аракчеева он отправил письмо Александру I, все еще находившемуся на конгрессе Священного союза в Лайбахе, о своем прибытии в Петербург³¹.

Как уже отмечалось, сразу по приезду Сперанский начал вести дневник, который отложился в его личном фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки³². Дневник, охватывающий важнейший период жизни и государственной деятельности реформатора с 1821 по 1828 г., представляет собой переплет большого размера. Это — автограф черными чернилами с правкой автора и карандашными пометами его личного секретаря Н. М. Старцова, которому, вероятно, было поручено приведение дневниковых записей в порядок. Дневник до сих пор не введен в научный оборот, при том что отражает не только сложный процесс включения Сперанского в государственную, придворную и светскую жизнь после возвращения из Сибири, но и дает представление о важнейших внутри- и внешнеполитических проблемах последнего периода правления Александра I и начала царствования Николая I. Следует отметить его основные характерные черты и специфические особенности. Дневник весьма лаконичен и в то же время насыщен информативно. Применительно к Александровской эпохе особенно впечатляют записи 1821–1822 гг., которые представляют собой практически поденную фиксацию событий и явлений. Постоянными, важными для Сперанского были следующие темы: статус ближайшего сподвижника Александра I и «работа» с императором по государственным делам на Каменном острове и в Царском Селе; деятельность Государственного совета, Комиссии составления законов и комитетов (Сибирского, Азиатского, Тарифного, Финансового, Коммерческого, Донского), членом которых он был назначен уже в первые месяцы возвращения и принимал активное участие в их деятельности; причины и последствия опалы; семейная, придворная и светская жизнь. Основными конструкциями являются — передача сюжетов разговоров с Александром I, суждений монарха по тем или иным внутри- и внешнеполитическим проблемам, императорские распоряжения и стремление Сперанского повлиять на их направление и сущность. Близкие личные и служебные взаимоотношения в этот период фиксируются применительно к В. П. Кочубею, К. В. Нессельроде, А. А. Аракчееву, Д. А. Гурьеву, И. А. Каподистрия, с которыми реформатор поддерживал тесные контакты и у которых (помимо «обедов во дворце» и «у государыни императрицы-матери» в 1821–1822 гг.) постоянно обедал и проводил вечера как в Петербурге, так и Царском Селе. Но уже с 1823 г. дневниковые записи становятся все более краткими, свидетельства о работе с Александром I встречаются все реже, причем Сперанский каждый раз указывает, сколько месяцев прошло с последней «работы у Его Императорского Величества». 1824 год в дневнике представлен всего несколькими страницами, а 1825 года вовсе нет.

Первый месяц после возвращения Сперанский с дочерью жил на Малой Морской в доме своего родственника по линии покойной жены — А. А. Жерве,

бывшего чиновника Министерства иностранных дел, который в 1812 г. был обвинен в передаче реформатору секретных шифрованных депеш от российских представителей за границей, уволен от должности и жил в это время в Париже. Первый свой визит в начале мая Сперанский сделал в Грузино графу А. А. Аракчееву. Александр I прибыл с конгресса Священного союза в Лайбахе 26 мая 1821 г., и уже 2 июня в Царском Селе состоялось представление Сперанского императору, а к 9 июня относится «первая работа по делам сибирским» на Каменном острове, которая происходила каждую неделю. С 16 июня началась постоянная «работа» монарха и Сперанского по различным государственным делам, относящимся к внутри- и внешнеполитическим проблемам. Поэтому, отправив Елизавету Михайловну на дачу к другу А. А. Столыпину, он сам 19 июня переехал из города в Царское Село.

28 июля 1821 г. был создан Особый комитет для рассмотрения отчета, представленного сибирским генерал-губернатором по обозрению сибирских губерний, т. е. упоминаемого всеподданнейшего отчета Сперанского от 1 февраля 1821 г. Комитет был образован на основании высочайше утвержденной всеподданнейшей записки графа В. П. Кочубея, который стал его председателем. Первое заседание состоялось 5 августа 1821 г. в резиденции графа в Царском Селе. В состав Комитета вошли А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын, Д. А. Гурьев, Б. Б. Кампенгаузен и Сперанский, который и в работе с Александром I также стремился решать сибирские дела. Так, 24 августа того же года он представил императору проект нового устройства и управления Омской областью. В этой связи А. П. Ермолов, также член данного Комитета, представил проект образования Кавказской области, поскольку усмотрел сходные черты сибирского и кавказского управлений и просил Сперанского «составить другую редакцию Кавказской области, применяясь к Омской». Вообще Ермолов, судя по дневнику, был близким Сперанскому человеком, о чем свидетельствует тот факт, что, когда 7 сентября 1821 г. генерал уезжал на Кавказскую линию, то нанес ему «прощальный визит». В дневнике отмечено: «Великие похвалы государю. Останется в Грузии около полугода». Сперанский являлся докладчиком по кавказским делам и после отъезда Ермолова. Во время работы с Александром I 23 февраля 1822 г. именно на основании его доклада император утвердил «мнение генерала Ермолова об учреждении в Грузии Комитета об образовании Кавказской области»³³.

Возвращаясь к Сибирскому комитету, как его называл Сперанский, следует сказать, что он являлся высшим государственным учреждением, которое не только объединило все управление Сибирью, освободило от сибирских дел Сенат и Государственный совет, но и стало главным органом по подготовке сибирской реформы. Почти за год работы на его заседаниях оказался рассмотренным целый «пакет» законопроектов, разработанных Сперанским, утвержденных Александром I и ставших в 1822 г. законами. Главным итогом работы комитета стал фундаментальный законодательный акт 22 июля 1822 г. «Уч-

реждения для управления Сибирских губерний». Согласно «Учреждениям», устанавливалась новая сибирская административно-территориальная модель, схожая с наместническими округами в Центральной России. Сибирь разделялась на Западную и Восточную. В Западную Сибирь с центром в Тобольске вошли Тобольская, Томская и Омская области. В Восточную с центром в Иркутске — Иркутская и вновь образованная Енисейская губернии и Якутская область. Управление состояло из четырех степеней — главное, губернское, окружное, волостное и «инородническое». Главное управление вручалось двум генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири, при которых должны были работать коллегиальные советы, состоявшие из высших чиновников губерний³⁴. Важными предметами деятельности Особого комитета было также рассмотрение материалов специальных следственных комиссий (Тобольской, Томской, Верхнеудинской, Иркутской), созданных Сперанским еще в Сибири, выявление степени участия администрации края в злоупотреблениях и определение меры наказания. Комитет подготовил материалы, а Сперанский составил проект указа от 26 января 1822 г., согласно которому И. Б. Пестель был уволен от службы, два губернатора, в 1819 г. отстраненные от управления губерниями (томский Д. В. Илличевский и иркутский Н. И. Трескин) были преданы суду, 680 человек заподозрены в коррупционных делах³⁵.

Сибирская реформа, являясь продолжением правительственной программы, направленной на создание единой и взаимосвязанной системы государственного управления Российской империи, безусловно, имела свои региональные особенности, состоявшие, с одной стороны, во включении института сибирского генерал-губернаторства в министерскую систему, а с другой — в сочетании единовластия и самостоятельности генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири с элементами коллегиальности³⁶. Созданный 27 июля 1827 г. первый Сибирский комитет (1827–1838), членом которого был Сперанский, стал преемником Комитета 1821 г. Между тем уже в кочубеевском комитете в 1821–1822 гг. рассматривались законодательные проекты, относящиеся к Сибири и Камчатке, народонаселению края, в том числе кочевым народам, развитию на восточной окраине России промышленности, торговли, земледелия.

Поскольку Сперанский по повелению Александра I продолжал и в Петербурге управлять сибирскими губерниями до прибытия на место новых генерал-губернаторов, то все сибирские и камчатские письма и донесения концентрировались у него. Затем информация поступала императору, а сами сибирские дела решались в кабинете Александра I. Так, кандидатура А. С. Лавинского на должность генерал-губернатора Восточной Сибири была предложена Сперанским во время «работы» 24 августа 1821 г. и поддержана императором. Когда 31 августа 1821 г. поступило донесение начальника Камчатки П. И. Рикорда, о чем Сперанский сразу доложил царю, то было принято решение об отправке к ее берегам двух фрегатов. Позже во всеподданнейшей записке от 4 июня 1822 г. Сперанский докладывал монарху, что в своем донесении от 16 ноября 1821 г.

Рикорд указывал, что два фрегата, «составляющие Северную экспедицию», под командованием командора капитан-лейтенанта Васильева пришли на Камчатку в конце сентября 1821 г. и, пробыв в петропавловском порту до 16 октября, отправились в обратный путь — «прямо к Кронштадту». Во время пребывания экипажа на Камчатке производились лечение моряков от «опасной болезни» и снабжение свежей провизией, но поскольку у командора наличных денег не было, то ему были выданы деньги из «экстраординарной камчатской суммы» (1125 р.). В своем дневнике Сперанский упоминает и о возвращении на Камчатку в декабре 1821 г. российского консула на Филиппинских островах П. В. Добелла. Еще в 1818 г. Добелл, считая Сибирь богатейшим краем, предложил проект учреждения на Дальнем Востоке китового промысла и расширения торговли между островами и Камчаткой. Позже, в 1822 г., донесениями на имя В. П. Кочубея и Сперанского Добелл возобновил свой проект о китобойном промысле. Проект состоял в том, чтобы купить в Северной Америке два китобойных корабля, каждый по 250 тыс. р., нанять 30 «американских промышленников, знающих свое дело», и 30 русских моряков и начать промысел около Курильских островов. На что Сперанский поставил в дневнике риторический вопрос: «Будет ли принят план Добелла о китовой ловле?»³⁷

В контексте дальневосточных проблем во время работы с императором 7 января 1822 г. рассматривался вопрос о сложностях торговли с китайцами в Кяхте³⁸. В этой связи Сперанским была представлена всеподданнейшая записка «Об улучшении организации русской торговли с Китаем в Кяхте». Считая, что «главнейшая невыгода» торговли с китайцами связана с «излишеством» китайских товаров, в Кяхте «заготовливаемых для ежегодной продажи в России», он предлагал учредить Российское торговое общество. Каждый купец и предприниматель, производящий торговлю с китайцами, должен был записаться в данное общество и представить план торгового оборота на 1823–1825 гг. Для сбыта китайских товаров в России предлагалось активизировать китайскую торговлю на Нижегородской ярмарке и создать склады в Иркутске, Тюмени, Тобольске, Москве и Петербурге. Кроме этого, кяхтинская таможня была обязана представлять в общество сведения о количестве и сумме реализации китайских товаров. В письме министру финансов Д. А. Гурьеву Сперанский в числе своих сибирских успехов указывал «кахтинскую торговлю», одной из «притягательных» черт которой являлось утверждение между российскими купцами и китайскими торговцами отношений «доверия и взаимной вежливости»³⁹.

Неудивительно, что с приездом Сперанского в Петербург столичное общество ожидало продолжения реформаторского процесса, «обновления дел», все полагали, что А. А. Аракчеев сдаст ему все управление по гражданской части, и он «вознесется на прежнюю высоту»⁴⁰. Тема административного статуса и близости к Александру I — одна из важнейших в дневнике Сперанского. Судя по дневниковым записям, в августе — ноябре 1821 г. вечерняя «работа у государя императора» на Каменном острове или в Царском Селе и утренние

«свидания» Сперанского и императора в царскосельском саду происходили не менее одного-двух раз в неделю. При этом уже в самом начале работы были определены как со стороны Александра I, так и реформатора ее обязательные условия. 8 октября 1821 г. Сперанскому было объявлено императорское повеление возвратить ему бумаги, которые были изъяты 17 марта 1812 г. 11 октября 1821 г. камердинер Мельников, в гардеробе у которого они оказались после статс-секретаря В. Р. Марченко, привез «три сундука бумаг», которые «оставались тайной» почти десять лет; 11 ноября от Н. И. Тургенева были получены материалы, касающиеся Комиссии составления законов⁴¹. Но прежде всего император восстановил этическую основу их взаимоотношений. 22 октября 1821 г. Сперанский записал в дневнике: «Началось тем, что государь считает меня своим человеком»⁴². Сам же он предъявлял только одно, но очень важное условие — уведомлять его о всех «замечаниях и неудовольствиях» в его адрес. Александр I согласился, приметив, «что при единомыслии все козни рассыплются», хотя, само собою разумеется, что «все будут ловить» вернувшегося «любимца государева», «чтоб завлечь в свои мысли». О близости в этот период императора и разработчика его реформаторских замыслов свидетельствует и тот факт, что император информировал Сперанского о работах по подготовке российской конституции, т. е. «Государственной уставной грамоты Российской империи». В дневниковой записи от 9 ноября 1821 г. сказано: «В первый раз сегодня открыто мне истинное намерение Гражданского образования. Сие дает великий свет и направление моим трудам. Упомянуто о законодательном сословии и назначено ему место. Проведена глубокая черта в сем намерении Гражданского образования. День сей и разговор весьма примечателен». Кроме этого, во время «работы» в Царском Селе 18 ноября того же года «император обнадежил», что теперь Сперанского «никто не запятнает», но говорил о «твердости в началах», чтобы «не сбили ученые»⁴³.

Помимо сибирских дел, «работа» Александра I и Сперанского в 1821–1822 гг. касалась правительственных мер по систематизации отечественного законодательства. 11 июля 1821 г. Сперанский был назначен управлять Комиссией составления законов во время отсутствия ее председателя — П. В. Лопухина, а 17 июня того же года стал членом Государственного совета по Департаменту законов. Александр I сразу поручил ему проанализировать деятельность Комиссии за 1804–1821 гг. Уже 31 сентября 1831 г. Сперанский представил императору всеподданнейший доклад, в котором давалась негативная характеристика ее деятельности. Для исправления положения дел предлагалось предпринять реорганизацию Комиссии и передать работу над ее проектами в Государственный совет. Одним из важнейших был проект Гражданского уложения Российской империи, руководителем создания которого Сперанский был еще в 1808–1812 гг.; поэтому почти сразу после приезда в Петербург он вновь вернулся к кодификационной работе. Рескриптом от 3 ноября 1821 г. на имя Лопухина высочайше повелевалось передать данный проект Сперанскому, чтобы он

«особенно занимался в Совете сим делом». Проект Уложения рассматривался на 49 заседаниях Государственного совета — с 24 ноября 1821 по 28 мая 1823 г., и было принято решение о его доработке в Комиссии составления законов⁴⁴. При этом отчеты о рассмотрении проекта Гражданского уложения в Государственном совете и его журналы представлялись Сперанским Александру I в течение ноября 1821 — февраля 1823 г. Поскольку глава о браке в Уложении вызвала на заседании Совета 12 января 1822 г. вначале спор, а затем ссору между Сперанским и А. Н. Голицыным, то первому пришлось написать письмо Александру I от 18 января того же года. Император в ответном письме Сперанскому, стремясь погасить конфликт, «в милостивых выражениях», но все же пожурил его, указывая, что он написал «много гадкого»⁴⁵.

По повелению Александра I в сентябре — ноябре 1821 г. Сперанский занимался также доработкой генерал-губернаторского проекта А. Д. Балашова и составлением двух частей «Учреждения областного управления», которое было представлено императору 18 ноября того же года. Он предложил расширить полномочия генерал-губернаторов предоставлением им права назначать городничих и управлять «комендантскими частями». В середине февраля 1822 г. составлено новое «образование Кавказской области», о чем его просил А. П. Ермолов. 16 июля 1821 г. Сперанский был назначен членом Азиатского комитета, главными задачами деятельности которого было составление проекта нового устройства и управления кочевыми народами. В рамках работы Сибирского и Азиатского комитетов в 1822–1824 гг. Сперанским были подготовлены «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», проект устройства и управления Оренбургской линией. О работе Тарифного комитета под председательством В. П. Кочубея, членом которого он был назначен почти сразу после возвращения, в дневнике упоминается 7, 29 ноября и 3, 9, 11 декабря 1821 и 26 февраля 1822 г. С осени 1821 г. Сперанский был членом Торгового комитета и выдвинул идею создания Коммерческого комитета, поддержанную императором, который подчеркивал «необходимость исправить дела коммерческие» и требовал от Сперанского иметь «всю твердость» в ее реализации. С ноября 1823 г. он работал также в Донском комитете и Комитете финансов⁴⁶.

С 24 августа по конец 1821 г. в дневнике часто встречаются указания о беседах Александра I со Сперанским «по делу профессоров Раупаха и Германа», «о раздорах по Министерству просвещения». На вопрос Александра I, «до какой степени в сем деле нарушены формы», Сперанский рассказал все, что знал от М. А. Балугьянского и С. С. Уварова. При этом император, выразив неудовольствие, что «произведены неприятные огласки», посчитал совершенно необходимым изменить систему университетского образования в России. Что же касается Сперанского, то он был в недоумении, почему «эти нарушения не вменяются» А. Н. Голицыну как министру народного просвещения⁴⁷.

Обсуждали Александр I и Сперанский также международные дела, в том числе отношения с Китаем, Турцией, Пруссией. Одними из наиболее острых

были проблемы, связанные с Греческим восстанием и европейскими революциями. Так, 7 сентября 1821 г., после прочтения депеши К. Меттерниха, император сказал, что «Порта сама причиною затруднений, ибо она простое смятение превратила в войну религиозную». В этой связи Сперанский отмечает в дневнике свои постоянные «свидания», прогулки и беседы с И. А. Каподистриа и К. В. Нессельроде, причем последний по повелению Александра I постоянно к нему обращался «для советов» по дипломатическим вопросам. 5 апреля 1822 г. во время «работы у Его Величества» Александр I, говоря о «делах испанских и неаполитанских», хвалил Ф. Шатобриана и высказывал опасения, «что привьют в Испании французскую конституцию. Они должны быть довольны своею, т. е. Кастильским Советом». В записи от 17 ноября 1823 г. речь идет о вечере у чрезвычайного посланника России в Испании Д. П. Татищева, участника Веронского конгресса Священного союза, где обсуждались его итоги. По мнению Сперанского, «начало перемен» в европейской системе «положено Меттернихом на Ахенском конгрессе». Позиция же Англии в «деле испанском» обусловлена тем, что, «вступая в сие дело тем или иным способом, она лишила бы себя права обладать колониями»⁴⁸.

Но уже в дневниковой записи 10 декабря 1821 г. Сперанский указывал на «первые признаки охлаждения», когда 20 дней не было «работы» и Александр I «избегал всякого с ним разговора». По его предположению, это было следствием или «иностранных внушений» по Коммерческому комитету или «от гр[афа] Аракчеева». Поэтому неудивительно, что 22 апреля 1822 г. Сперанский записал: «Граф Аракчеев болен и отправился в Грузино. Кажется, он исполняет свой план de là retraite». В этой связи на следующий день Сперанский написал письмо императору «с просьбой о дозволении себя видеть», и уже 8 мая состоялась «работа» на Каменном острове по 8-й и 9-й главам Гражданского уложения, а затем 25 июня. Следующая встреча Александра I и Сперанского состоялась только через 9 месяцев 25 февраля 1823 г. и была посвящена журналам Государственного совета по обсуждению Гражданского уложения, донесениям лейтенанта флота, начальника Северной экспедиции 1820–1824 гг. Ф. П. Врангеля «с берегов Ледовитого океана», а также известиям с Камчатки. Записи от 5 апреля и 16 мая 1823 г. помечены знаком NB, поскольку в эти дни состоялась «последняя работа у Его Величества» на Каменном острове. Обсуждались завершающие главы Гражданского уложения и кандидатура нового министра финансов. Сперанский предложил Е. Ф. Канкрину, который «в кредитной системе не согласен со своим предшественником» Д. А. Гурьевым. Александр I поддержал это предложение, а на вопрос об отпуске сказал: «Поезжай и живи, если будет нужно», но повелел вернуться до его отъезда, намеченного на 16 августа 1823 г. «С сим распрощались». С 27 мая по 29 июля 1823 г. Сперанский был в отпуске, 31 августа вернулся в Царское Село, но императора в столице не было, он был на маневрах. Его принимали на Каменном острове императрица Елизавета Алексеевна, а на Елагином острове вдовствующая императрица

Мария Федоровна. 15 октября 1823 г. на заседании Государственного совета был объявлен секретный манифест Александра I от 16 августа 1823 г. о престолонаследии. В записях конца 1823 и 1824 гг. нет указаний о работе с императором, а 1825 год в дневнике вообще отсутствует⁴⁹.

Одной из наиболее важных и в то же время болезненной для Сперанского была тема опалы, ее причин, обстоятельств и последствий. Уже на первых страницах дневника он обращается к ней, ставя двойной знак «NBNB». 31 августа 1821 г. состоялся «пространный разговор о прошедшем» Александра I со Сперанским, поводом к которому стал А. Д. Балашов⁵⁰. В историографии традиционным является положение о том, что Балашов наряду с Г. М. Армфельтом, соперничавшим со Сперанским за право быть ближайшим советником и докладчиком императора по финляндским делам, являлся главным виновником его отставки. Участие в заговоре против Сперанского историки чаще всего связывали с неприязнью генерала к реформатору, природной склонностью к интригам и стремлением действовать в интересах консервативной партии при Дворе. Однако в современной работе А. Ю. Скрыдлова предлагается иная интерпретация действий министра полиции в 1811–1812 гг. Согласно справедливому мнению автора, Балашов действовал в рамках задания Александра I по надзору за государственным секретарем, которое использовал для упрочения своих позиций при Дворе в условиях угрозы отставки⁵¹. Это находит подтверждение в дневниковых источниках Сперанского. В упоминаемом дневнике «возврата» из Сибири, обращаясь к истории ссылки, Сперанский указывал, что «удар Армфельта направлен был также на Балашова», поскольку он «искал соединения» с ним. В силу этого министр полиции, стремившийся себя реабилитировать в глазах императора, «пошел в поход» на Сперанского, но вскоре сам был уволен от министерской должности. Возвращаясь из Сибири, 11 марта 1821 г. Сперанский заехал в Рязань, где был принят Балашовым. Это была их первая встреча после 17 марта 1812 г, но они были рады друг другу, пообедали вместе, а затем реформатор двинулся в дальнейший путь в Петербург⁵². В дневнике 1821–1828 гг. Сперанский касается механизмов сбора информации о себе в 1811–1812 гг., когда Балашов, чтобы установить с ним более тесные контакты, использовал своего племянника Д. Н. Бологовского. Действительно, Бологовский, который являлся чиновником Комиссии составления законов и был дружен с М. Л. Магницким, близким Сперанскому, уговорил последнего содействовать сближению государственного секретаря и министра полиции. По свидетельству М. А. Корфа, Сперанский даже согласился нанести визит Балашову, но не смог прийти и послал ему записку с извинениями. Так в руках у министра оказалось якобы доказательство того, что Сперанский готов был сблизиться с Балашовым и Армфельтом, чтобы создать «триумвират» для управления государством и тем самым ослабить власть Александра I, которое впоследствии было представлено императору⁵³. В этой связи Сперанский 31 августа 1821 г. записал в дневнике: «По-видимому, Бологовский Магницкому и Балашову

твердил о соединении, обманывал равно того и другого. Но Балашов предупредил государя и получил повеление следовать» по тому же пути надзора⁵⁴.

Большая часть дневниковых записей отдана семейным делам, прежде всего связанным с обстоятельствами обручения и брака 16 августа 1822 г. дочери Сперанского Елизаветы Михайловны с черниговским гражданским губернатором А. А. Фроловым-Багреевым, а также с рождением 11 февраля 1824 г. первого внука Михаила. Судьба дочери волновала Сперанского не только потому, что после смерти матери Елизаветы Андреевны Сперанской (урожд. Стивенс) ее воспитание и образование полностью лежали на нем, но и в связи с его репутацией, связанной с опалой и ссылкой. В упоминавшемся письме А. А. Аракчееву от 5 июня 1816 г. Сперанский с горечью писал, что последствия «гнева государя» тяготеют над ним: «У меня дочь невеста, и кто же захочет или посмеет войти в родство с человеком, подозреваемом в столь ужасных преступлениях... в государственной измене»⁵⁵. Поэтому для него было так важно, когда 15 сентября 1821 г. Елизавете Михайловне было пожаловано придворное звание фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны и тем более, когда двоюродный внук светлейшего князя канцлера А. А. Безбородко и двоюродный племянник графа В. П. Кочубея посватался к ней. В дневнике от 6 февраля 1822 г. значится: «Объяснение с А. А. Багреевым... Объяснение Александра Алексеевича с Лизою у меня в кабинете. Сей нареченный и святой день. Моя суббота. Сердце мое привыкает к радости. Отсюда, с 6-го февраля начинается новая эпоха моего бытия»⁵⁶. Важное место в дневнике занимают обстоятельства путешествия Сперанского с 27 мая по 29 июля 1823 г. во время данного императором отпуска в Чернигов к молодоженам. Этому посвящен целый раздел, который так и называется «Путешествие в Чернигов»⁵⁷. Причем южный маршрут был разработан новороссийским генерал-губернатором графом М. С. Воронцовым, который в письме Сперанскому от 28 мая 1823 г. подчеркивал, что «малороссийские губернии не уступают красотой и часто богатством лучшим частям Европы»⁵⁸.

Итак, вернувшийся из Сибири в Петербург Сперанский не получил нового назначения, «более сходного тому», которое он имел до 17 марта 1812 г., как обещал Александр I в 1819 г., и не приобрел «степень высшую прежней», как предполагал А. А. Аракчеев. И все же почти полтора года, с августа 1821 по февраль 1823 г., являясь доверенным лицом Александра I и работая с ним постоянно по важнейшим внутри- и внешнеполитическим делам, Сперанский, безусловно, имел влияние на принятие императорских решений и в целом государственную жизнь России начала 1820-х гг. Тот факт, что надежды просвещенной части русского общества на его «возродившееся влияние» в отношении реформ не были реализованы, прежде всего был обусловлен изменением модели преобразовательной политики заката александровского царствования, которая предполагала постепенное реформирование, дополнение и адаптацию существующих государственных и общественных институтов к новым историческим условиям.

Согласно дневнику Сперанского, 24 августа 1821 г. между ним и Александром I состоялся «разговор о недостатке способных и деловых людей не только у нас, но и везде. Отсюда — заключение не торопиться преобразованиями; но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются»⁵⁹. «Охлаждение» же Александра I к своему сподвижнику в конце 1823–1824 г. было, вероятно, связано с желанием Сперанского быть его идеологическим руководителем, в то время как император проявлял стремление к самостоятельности, твердости, решительности, не обращаясь к опытности и суждению других лиц. Возможно, это также обуславливалось тем, что Сперанский в Петербурге не примкнул ни к одной партии, что определило стремление влиятельных сил не допустить его нового сближения с императором.

- ¹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: В 2 т. Т. 2. СПб., 1861. С. 262–264, 284; Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905. С. 32–33; Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909. С. 151–152; Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1989. С. 126–128; Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991. С. 272–282; Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 162–171; Нольде А. Э. М. М. Сперанский. Биография. М., 2004. С. 168–170; Смирнов А. Ф. Сперанский. Великий государственный человек. М., 2022. С. 409–410.
- ² Об этом свидетельствуют письма Сперанского к его ближайшему другу, обер-прокурору Сената А. А. Столыпину от 21 мая и 8 августа 1818 г. (Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 435, 441–442).
- ³ Письма графа Сперанского к графу Аракчееву. Письмо от 16 июня 1824 г. // Русский архив. 1917. № 2. Стб. С. 111.
- ⁴ В рескрипте Александра I на имя М. М. Сперанского от 22 марта 1819 г. говорилось: «Желание мое открыть дарованиям вашим новый путь, соделаться полезным отечеству... Ныне предстоит для исполнения сего наилучшая удобность. С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края» (ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 2021. Л. 1. Опубликовано: В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 105–106).
- ⁵ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 192–237; Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год: В 2 т. Т. 1. СПб., 1872. С. 1–2; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 3–8.
- ⁶ Письмо Сперанского А. А. Столыпину от 1 апреля 1819 г. // Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 454; письмо Сперанского дочери от 5 апреля 1819 г. // Сперанский М. М. Письма дочери. Новосибирск, 2002. С. 91.
- ⁷ Письмо Сперанского В. П. Кочубею от 18 декабря 1819 г. // Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. С. 239.
- ⁸ Сперанский М. М. Дневник путешествия в Сибирь // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 479. Л. 1–86. Опубликовано: В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 1–102.
- ⁹ Сперанский М. М. Письма дочери. С. 9.
- ¹⁰ Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 464.

- ¹¹ Донесение М. М. Сперанского государю императору Александру Павловичу. 30 января 1820 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 494. Л. 1–6.
- ¹² Предложения М. М. Сперанского Томскому губернскому правительству // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 202–217.
- ¹³ Высочайший рескрипт государя императора Александра Павловича, данный на имя М. М. Сперанского. 20 марта 1820 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 480. Л. 1 – 1 об.
- ¹⁴ Во время ревизии 24 июля 1819 г. Сперанский писал А. А. Столыпину: «Я ничего другого не делаю, как только отрешаю; но кем заменить отрешенных!» (Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 464).
- ¹⁵ В письме В. П. Кочубею от 5 апреля 1819 г. Сперанский жаловался, что «мудрено быть генерал-губернатором по неволе» (В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 136–137).
- ¹⁶ Письмо Сперанского А. А. Столыпину от 24 июля 1819 г. // Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 464; письмо М. М. Сперанского к графу В. П. Кочубею от 18 декабря 1819 г. // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 263–268; письмо М. М. Сперанского В. П. Кочубею от 29 января 1820 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1890. Л. 22 – 23 об.
- ¹⁷ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 313.
- ¹⁸ Письмо Сперанского А. А. Столыпину от 24 июля 1819 г. // Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 462; схожие идеи прослеживаются в его письме А. Н. Голицыну от 18 сентября 1819 г. (В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 227–230).
- ¹⁹ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 490. Л. 1 – 3 об.
- ²⁰ *Сперанский М. М.* Отчет в обозрении управления Сибирских губерний. Предварительные сведения к образованию управления Сибири. Со всеподданнейшим рапортом М. М. Сперанского от 1 февраля 1821 г. // Там же. Д. 637. Л. 1–360.
- ²¹ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 177. В письмах А. А. Столыпину от 18 декабря 1819 г., 13 июня и 17 ноября 1820 г. Сперанский постоянно упоминает о возвращении в Петербург и его условиях (Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 475, 478, 479).
- ²² *Сперанский М. М.* Письма дочери. С. 92. Эта же мысль прослеживается в письме Сперанского А. А. Столыпину от 1 апреля 1819 г.: «Не знаю, известно ли вам, что назначение мое собственное есть: исследовать злоупотребления, составить на месте новый план управления Сибири и план сей привезти с собою в Петербург. Это — между нами» (Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 455).
- ²³ *Фролова-Багреева Е. М.* *Réminiscences et souvenirs filiales* [Автограф чернилами на фр. и рус. яз.] // ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). Д. 555. Л. 24, 25; *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. М., 2009. С. 338.
- ²⁴ *Сперанский М. М.* Письма (10) генералу от инфантерии, члену Государственного совета Алексею Андреевичу Аракчееву // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1838. Л. 5.
- ²⁵ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 105–108.
- ²⁶ Там же. С. 109, 111.
- ²⁷ В письме А. А. Аракчееву от 5 апреля 1819 г. из Пензы Сперанский, подчеркивая искренность их взаимоотношений, писал, что принял новое назначение «с горестью», а общество это восприняло как «отказ в отпуске и удаление», и просил о двух вещах: во-первых, дозволения писать «откровенно... из Сибири о деле и безделье» и во-вторых, разрешения направлять донесения по службе прямо к графу (*Сперанский М. М.* Письма (10) генералу от инфантерии, члену Государственного совета Алексею Андреевичу Аракчееву. Л. 15–16). Вопрос о продаже имения Великополье рассматривался в письмах Сперанского Аракчееву от 5 ноября 1818 и 18 марта 1819 г. (Там же. Л. 14, 20–21). Письма А. А. Аракчеева (25) М. М. Сперанскому. 14 августа 1809 г. — 19 сентября 1823 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2015. Л. 1–40.
- ²⁸ *Фролова-Багреева Е. М.* *Réminiscences et souvenirs filiales*. Л. 48 — 48 об.; *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. С. 338.
- ²⁹ Русский архив. 1871. Кн. 1. № 3. Стб. 433.

- ³⁰ Письма Сперанскому от К. В. Нессельроде от 24 апреля 1819 г., В. П. Кочубея от 22 апреля 1819 г. и Д. А. Гурьева от 22 апреля 1819 г. // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 125–128, 155–167, 168–171.
- ³¹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского. Возврат. С 8 февраля по 22 марта 1821 года // Там же. С. 81–102.
- ³² *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. 24 марта 1821 г. – 21 апреля 1828 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 42. Л. 1 – 109 об.
- ³³ Там же. Л. 1 – 3 об., 45 об.
- ³⁴ ПСЗ-1. 1822. Т. XXXVIII. № 29125.
- ³⁵ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 36; *Андреева Т. В.* «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова». Письма М. М. Сперанского. 1819–1821 гг. // Исторический архив. 2006. № 5. С. 167–196.
- ³⁶ *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. С. 71, 83, 89, 93.
- ³⁷ *Сперанский М. М.* 1) Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 6 об., 32 – 32 об., 49 об.; 2) Записка о донесениях Рикорда, Добелла, Кохрена. 4 июня 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 549. Л. 2 – 2 об., 3 – 5 об., 7.
- ³⁸ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 35.
- ³⁹ *Сперанский М. М.* 1) Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 35 – 35 об.; 2) Об улучшении организации русской торговли с Китаем в Кяхте // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 526. Л. 1–12; 3) Письмо директору Кяхтинской таможни П. Ф. Голыховскому от 12 июня 1820 г. // Там же. Д. 1857. Л. 1–2; 4) Письмо министру финансов Д. А. Гурьеву от 1 февраля 1820 г. // Там же. Д. 1858. Л. 46 – 47 об.
- ⁴⁰ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 261–262.
- ⁴¹ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 24; Опись документам 1812 года, возвращенным М. М. Сперанскому из кабинета Александра I // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 47. Л. 1–86.
- ⁴² Выделено в тексте документа.
- ⁴³ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 18 – 18 об., 23, 26.
- ⁴⁴ Журналы Государственного совета по рассмотрению проекта Гражданского уложения. 24 ноября 1821 г. – 28 мая 1823 г. Списки // РГИА. Ф. 1260 (Второе отделение СЕИВК). Оп. 1. Д. 249. Л. 1–216.
- ⁴⁵ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 11, 24 об., 28, 31 об., 32 об., 36–41, 48, 77. См. также: Письмо М. М. Сперанского Александру I от 18 января 1822 г. // РГИА. Ф. 1646 (П. М. Майков). Оп. 1. Д. 87. Л. 1–7.
- ⁴⁶ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 6, 14, 21 об., 25 об., 26, 30 – 30 об., 31, 34, 48, 79, 93, 94 об., 95, 96, 98.
- ⁴⁷ Там же. Л. 3 об. – 22 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 5 об., 7, 10, 12, 13 – 13 об., 16, 29, 42 об., 79, 91 – 91 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 30 об., 31, 49 – 49 об., 51 об., 52, 53 об., 57 об, 77, 81 – 81 об., 82 – 82 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 5 об.
- ⁵¹ *Скрьдлов А. Ю.* На службе России: Александр Дмитриевич Балашов. 1770–1837. СПб., 2016. С. 97–108.
- ⁵² В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 98; о близких отношениях Сперанского и А. Д. Балашова свидетельствуют письма реформатора к генералу за 1807–1813 гг. (НИА СПбИИ РАН. Ф. 16 (А.Д. Балашов). Оп. 2. Д. 149. Л. 1–10).
- ⁵³ *Корф М. А.* Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина. 1902. № 3. С. 498.
- ⁵⁴ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 5 об., 6.
- ⁵⁵ *Сперанский М. М.* Письма (10) генералу от инфантерии, члену Государственного совета Алексею Андреевичу Аракчееву. Л. 4.

- ⁵⁶ Сперанский М. М. Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 42.
- ⁵⁷ Там же. Л. 83 — 99 об.
- ⁵⁸ Русская старина. 1903. Т. 114. № 5. С. 350.
- ⁵⁹ Сперанский М. М. Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 3 об.

REFERENCES

- ANDREEVA T. V. “Sibir’ dolzhna vozrodit’sya, dolzhna vospryanut’ snova”. *Pis’ma M. M. Speranskogo. 1819–1821 gg.* [“Siberia must be reborn, must rise again”. Letters to M. M. Speransky. 1819–1821] // *Istoricheskiy arkhiv*. 2006. No. 5. S. 167–196.
- CHIBIRYAEV S. A. *Velikiy russkiy reformator. Zhizn’, deyatel’nost’, politicheskiye vzglyady M. M. Speranskogo* [Great Russian reformer. Life, activity, political views of M. M. Speransky]. Moscow, 1989.
- FEDOROV V. A. *M. M. Speranskiy i A. A. Arakcheyev* [M. M. Speransky and A. A. Arakcheev]. Moscow, 1997.
- KORF M. A. *Deyateli i uchastniki v padenii Speranskogo* [Figures and participants in the fall of Speransky] // *Russkaya starina*. 1902. No. 3. S. 479–508.
- KORF M. A. *Zhizn’ grafa Speranskogo* [The life of Count Speransky]; In 2 vols. T. 2. St. Petersburg, 1861.
- MINAEVA N. V. *M. M. Speranskiy v vospominaniyakh sovremennikov. Konets XVIII — XIX vekov* [M. M. Speransky in the memoirs of contemporaries. End of the 18th — 19th centuries]. Moscow, 2009.
- NOL’DE A. E. *M. M. Speranskiy. Biografiya* [M. M. Speransky. Biography]. Moscow, 2004.
- REMNEV A. V. *Samoderzhaviye i Sibir’. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk, 1995.
- SEREDONINS. M. *Graf M. M. Speranskiy. Ocherk gosudarstvennoy deyatel’nosti* [Count M. M. Speransky. Essay on state activity]. St. Petersburg, 1909.
- SKRYDLOV A. YU. *Na sluzhbe Rossii: Aleksandr Dmitriyevich Balashev. 1770–1837* [In the service of Russia: Alexander Dmitrievich Balashev. 1770–1837]. St. Petersburg, 2016.
- SMIRNOV A. F. *Speranskiy. Velikiy gosudarstvennyy chelovek* [Speransky. Great statesman]. Moscow, 2022.
- SPERANSKIY M. M. *Pis’ma docheri* [Letters to the daughter]. Novosibirsk, 2002.
- TOMSINOV V. A. *Svetilo rossiyskoy byurokratii. Istoricheskiy portret Speranskogo* [Luminary of the Russian bureaucracy. Historical portrait of Speransky]. Moscow, 1991.
- V pamyat’ grafa Mikhaila Mikhaylovicha Speranskogo. 1772–1872.* [In memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872]. St. Petersburg, 1872.
- VAGIN V. I. *Istoricheskiye svedeniya o deyatel’nosti grafa M. M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 god.* [Historical information about the activities of Count M. M. Speransky in Siberia from 1819 to 1822]: In 2 vols. T. 1. St. Petersburg, 1872.
- YAKUSHKIN V. *Speranskiy i Arakcheyev* [Speransky and Arakcheev]. St. Petersburg, 1905.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. В. Андреева. Возвращение: М. М. Сперанский в 1821–1824 гг. (по дневнику реформатора) // Петербургский исторический журнал. 2002. № 3. С. 201–220

Аннотация: Статья посвящена дневнику М. М. Сперанского, относящемуся к периоду приезда реформатора из Сибири в Петербург и являющемуся ценнейшим источником информации не только о сложном процессе его возвращения в большую политику, но и важнейших внутри- и внешнеполитических проблемах последнего периода правления Александра I. Дневник уникальным образом освещает подготовку и реализацию сибирской реформы 1822 г., работу Сибирского комитета, правительственную

деятельность по усовершенствованию и систематизации российского законодательства, участие М. М. Сперанского в разработке преобразовательной программы в сословной, имперской, кредитно-финансовой политике. Данный документ дает представление об обстоятельствах и целях создания Азиатского, Тарифного, Коммерческого и Финансового комитетов, механизмах принятия решений, связанных с Греческим восстанием и второй Испанской революцией (1820–1823), их обсуждении и корреляции в зависимости от социально-политической ситуации в России и Европе. Дневник крупнейшего государственного деятеля XIX в. позволяет расширить и, возможно, в чем-то изменить сложившиеся в историографии представления как о роли и месте М. М. Сперанского в государственной жизни начала 1820-х гг., так и деятельности управленческой элиты этого времени.

Ключевые слова: Российская империя, Александр I, М. М. Сперанский, высшая бюрократия, дневник.

FOR CITATION

T. V. Andreeva. Return: M. M. Speransky in 1821–1824 (according to the diary of a reformer) // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2022, pp. 201–220

Annotation: The article is devoted to the diary of M. M. Speransky, which refers to the period of the reformer's arrival from Siberia to St. Petersburg and is a valuable source of information not only about the complex process of his return to big politics, but also about the most important domestic and foreign policy problems of the last period of the reign of Alexander I. The diary uniquely covers the preparation and implementation of the Siberian reform of 1822, the work of the first Siberian Committee, government activities to improve and systematize Russian legislation, M. M. Speransky's participation in the development of a reform program in estate, imperial policy, and credit and financial policy. This document gives an idea of the circumstances and objectives of the creation of the Asian, Tariff, Commercial and Financial Committees, decision-making mechanisms related to the Greek Revolt and the second Spanish Revolution (1820–1823), their discussion and correlation depending on the socio-political situation in Russia and Europe. Diary of the greatest statesman of the 19th century allows you to expand and, possibly, to some extent change the ideas that have developed in historiography, both about the role and place of M. M. Speransky in public life in the early 1820s, and about the activities of the administrative apparatus of that time.

Key words: Russian Empire, Alexander I, M. M. Speransky, Higher bureaucracy, diary.

Автор: **Андреева, Татьяна Васильевна** — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Andreeva, Tatiana Vasilievna** — Doctor in History, Leading Researcher, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History.